

Разрозненный опыт с претензией на "любовь"

16+

Анастасия Тихомирова

Анастасия Владимировна Тихомирова
Разрозненный опыт с
претензией на «любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43159284

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда сочность прожитого, уже имеющего контур, опыта требует интерпретации, промахивающейся дважды или трижды.

Замеченное в назойливой блеклости – проявление помощи, застегнутое на все пуговицы, проявление доброты, альтруизма – "однажды" – только сейчас можно описать как "однажды", поскольку я уже выздоровела от этого поступка, который "однажды" обнажило мое лицо, причем раздел его так сварливо и неаккуратно, что задел кожу, с претензией на захват глаз и волос. Какая смиренная, призывающая своим сглаживающим прикосновением, догадывающаяся доброта была проявлена ею. Пани Рената – своей лебединой нежностью с изначально свойственным ей старанием, к которому она давно привыкла, сжала в своем прозрачно-розовом кулаке мое сердце. Форма песочных часов. Форму песочных часов приобрело оно. О, ожидание. Неповторимость момента, который уже искаженно воспринимается как посредственный, который уже как-то обозначен, обозначен тоской о былом, момент – с широтой многофункционального океана сбил с ног стадами птиц и носорогов, медведей и волков, – заставляет меня делать сальто, которое теперь обернулось в равномерное скользящее движение.

"Я хочу с Вами поговорить" – произносит она и начинает шагать по диагонали, косвенно приближаясь ко мне, как будто идет по тонкому бордюру и боится наступить на дорогу, по которой едут машины.

"Со мной?" – отвечаю я, намекая на то, что для меня

непривычно, чтобы кто-то желал говорить со мной. Я слишком назойлива для того, чтобы вызывать что-то подобное. Я не успела опередить ее, обрезав ее легкое желание, скорее всего основанное на необходимости делать то, что умеешь. А этому не так то сложно научиться. Почти все умеют помогать. Но почти никто не делает это хорошо.

В стиле умирающего солдата, возносящего вялую руку с ружьем из-за холма, она начала бросаться советами и жуя жвачку, пододвигалась ко мне, сверкала советами, бьющими прямо в лоб. Упитанность и затверделость ее взглядов мне показалось нездоровой, при всем ее прелестном расцвете в манерах и стиле.

"Но как учительница чешского языка может быть так убеждена в чем-то? Без поиска? Под надутыми правилами, толстыми аксиомами, о которых нужно говорить в ворчащем тоне, так как сам на себя злишься из-за их подозрительной правдивости – откуда эта ловкость в помощи? Если ее цель была помочь – откуда эта убежденность, что этим она правда поможет?" – все еще задаюсь этим вопросом я.

Опишу свою потерянность в забрызганности кислых прогнозов:

"Вы пьете?????" – спрашивает она.

"При таком стиле жизни вы умрете в 30 лет, а может быть в 40!" пронеслась пустынным вихрем пара предложений, облитая глазурью ее харизмы и приятных черт лица, надев мне на горло, удлиняющую шею ,африканское ожерелье. Удушье от прямоты.

"Но я творю со своей жизнью то, что творит поэт со словами и опытом " – с зудящим, но не дрыгающимся спокойствием отвечаю я.

"Я не хочу об этом говорить. Я не для этого с вами здесь" – отвечает она с густотой голоса.

"Я хочу стать гением" – произношу я.

"Я так не думаю" – и тяжелым ножом мясника были порезаны, только проявляющие у теленка признаки воли жить, не подавшего даже голоса от возвышенной беспомощности, в которой скрыта красота всех начинаний и предположений. Кровавая смерть, замеченная остальными как бархатная – ошеломительная скрытость – замаскированная под искренность – которая притягивает. Теленок со сливками.

Под шубертовскую Аве Мария понеслась я, спотыканием рвя асфальт в ключья с барабанным подрыгиванием.

Я еще не понимала, что ее видение напрочь содрало во мне всякую надежду на допустимость ошибок, которые я часто совершаю, она стерла любую вседозволенность, которая иногда говорит голосом сирен, какое безнадежное утопание в горьком шоколаде ее видения.

Слезы текли, опустошая голову и грудь. Теперь я парус, влекомый дыханием одной ее ноздри.

Под реквием Моцарта я заглянула в себя и не нашла там даже этикетки, заново выворачивая майку души я не могла найти эту этикетку. Она обокрала меня. Она отрезала ее зубами, которые стрекотали из-за быстрого движения губ и. Какая безобидная кража. Под реквием Моцарта я рычала с удручением – от кражи, которая не была определена как кража.

"Я помогаю вам, вы человек" – говорила она.

"Я помогаю вам, вы человек" – это змеиное предложение перевернуло все с ног на голову и потом снова, вращение это приобрело инерцию, кто его остановит, кто докажет, что оно не вращается уже, оно слишком равномерно.

Что значит помочь? Что значит помогать? Разве это не

выражение своих навыков, которые не нуждаются в строгой оценке, которые уже изначально надушены отношением с полузакрытыми глазами, на то как в действительности эта помощь работает. Замечается сам акт желания помочь. Какая скользкая и лентяйская деятельность – помогать. При том, что тот, кто помогает всегда трепещет с грацией премьер-министра или какого-то другого знатока. Что это за невинное овладение и подавление другого? Почему это не преступление? Если нечто выдается за что-то приятное, хотя это есть самодовольное проявление своего опыта. Вам говорят, что хотят помочь, намекая, что это действительно поможет, что для вас имеется что-то, в чем вы действительно нуждаетесь. Но откуда помогающим об этом известно? Если мне даже это неизвестно во всей полноте.

"Я хочу стать гением, я хочу публиковать свои сочинения!" – говорю я.

"У вас ничего не получится, никто не будет этого делать!" – снова отрезает Пани Рената.

Безалаберность вульгарного школьника, его слабое держание в руке пера обляпало мою грудь чернилами и смешала с грязью всемирного мусора. Громогласное ветвление, кружение и стеснение всего этого в воронке непонимания и вопрошания.

Какое угнетение. Она мне подарила в своих обволакивающих манерах спокойного тона, который может разразиться укусом комара и превратиться в нечто удивительное. Как чешется этот волдырь.

Почему сомнения на счет собственного будущего, вытисненные наружу, вдруг стали гореть с дымом и треском? Ведь они все время шагали стеснительной походкой у меня в голове, но вдруг, встав передо мной в пышном смокинге, заговорили властно и нетерпимо?

Что ж, если она подцепила их когтями всех своих нежных пальцев, мне необходимо заняться собой.

С голодной грудью я бродила и металась в сырости пива. Искала на дне кружек паузу, конец той глубины, которую ощущала в груди. Какая угнетающая просторность, через которую проходили чужаки в грязной одежде, хотя может быть и приятные детишки, которые представлялись хулиганами с палками.

"Что я могу прямо сейчас начать делать со своей жизнью?" – вопрошала я.

"Я должна ждать, когда поступлю в университет и там нач-

ну усердно заниматься философией" – бормотала я в изношенной надежде.

"Что сейчас?"

Однажды или даже дважды я видела ходящее оранжевое пятно, в следующий раз я уже увидела монаха в оранжевом одеянии, который раздавал пригласительные листовки.

"Приходите к нам в храм! У нас бесплатная вегетарианская еда! " – говорил он. Из его носа текла сопля, но никак не испортил его имидж, она соблазнялась законом тяготения и ползла с грацией улитки.

Через некоторое время – после того я занималась всякой чушью, отупляющей все прорастающее в уме, – готовилась к экзаменам, учила чешский – я все-таки пришла в воскресенье на их программу. Полотна с Кришной. Движения в танце. Открытые рты.

С легкой, пушистой удивленностью я думала – "Чем они здесь занимаются? Почему так восхваляют кого-то?" Я не отпускала из рук куртку, которую пришлось снять, ведь это был двухэтажный дом, заgrimированный под храм. В верхней одежде там не ходили. Я положила куртку в угол и сама нашла себе что-то вроде угла, точнее немного простора, но все-таки воспринимала я его как угол. После долго наблю-

дения за прыжками без скакалки, за возвышенным спортом, с претензией на абстрактность, я скользила в собственных вопросах. Начался прием "ПРАСАД". Мы начали есть.

"Что все это значит?" Для меня было удивительно, что они верят в то, что существует Бог Кришна, который как-то выглядит, то есть имеет очертания, что он явный. Находится над океаном – нашим миром. Имеет 4 руки, сине-фиолетового цвета.

Это все еще ошеломляет меня – ведь они стремились к Абсолюту, под чем предполагается нечто неявное, что нельзя задать под что-то, неуловимое, захватить его – ровно тому, чтобы махать в воздухе рукой и думать, что каждый раз вы словили воздух. Если вы можете определить Бога каким-то образом или фигурой и верить, что он как-то выглядит, считайте, что вы сели на него задницей мифологических определений. Это очень безответственное подавление его пониманием через фигуративность – есть нечто безобразное, при всей нарочитой образности. Какая явная противоречивость плюет в меня от смеха и стыда за саму себя! Они верят в Абсолютную правду, причем единственную, которая при всей возвышенности претендует на дуратское ограничение. Причем это не просто контур. Я бы тоже хотела верить. Как они. Со всей глубиной верить, что есть какая-то жирная точка, причем одна, или плоскость, которой можно достигнуть. Ве-

ритель в нечто, что меня поприветствует. Как это дружелюбно звучит. Хотя нет, мой въедшийся ,насквозь пронзивший меня, скептицизм в полицейских манерах кричит о запрете. И все таки как может слагаться между собой то содержание (приблизительное понимание того, что есть нечто, к чему можно стремиться, что это нечто высшего порядка), в которое они верят и что есть форма (фигура, которая обозначает это нечто высшего порядка), в которую они тоже верят, но держат слишком близко друг к другу, так что даже не могут их вовсе разделить и в брыканьях защищают форму – вспомогательный, посредственный элемент! Они защищали четырехрукого Кришну, верили, что он, фиолетового цвета, существует!

Без всякого свирепства, скорее с некоторой детской алчностью, я хочу вмешаться в эту веру и не растрепав ее, только прояснить цену этой значимости, которая заставляет звать в спокойствии и как бы скрывает в своих объятиях трепеты сомнения, которые воспринимаются как нечто чужеродное и постыдное. Я, влекомая слегка подмигивающей несостоятельностью взглядов кришнаитов, стала проскальзывать сквозь обряды и правила, пережевывая с пристрастием свой новый опыт, чтобы затем его выровнять и пролистать этот серьезный журнал. Как может стиль жизни подчеркивающий и спонсирующий слабость перед всеми непредсказуемыми, зубастыми остротами жизни, вести к чему-то пи-

ковому? Воспевание в плясках, как отряхивание с рукава куртки насекомого, уборка в храме, которая так же есть прославление Кришны, работа в саду и тренировка маркетинговых навыков, при продаже своих книжек о Кришне – как все это, отличающееся, в конечно счете, опасением за собственное неблагополучие, несчастный случай, за смерть, которая непредсказуема, которая оборвет их натянутое до упругости, счастье, иногда брынькающее мимо аккордов. Звучание мимо аккордов. Кришна в эти моменты, скорее всего отходил в туалет или у него сильно зачесалась нога, поэтому он должен был нагнуться, покривляться, почесав ее, и снова начать наблюдать за всеми и гладить мизинцем по голове.

У каждого есть собственное представление о Боге
"Собственное Представление или Воображение о Боге".

Вам не кажется, что значение слов Собственное Представление, Воображение и Бог отличаются только в степени насыщенности. Если Бог есть некоторое продлевание до переливающейся через края от насыщенности точки – представление, куда ведет вся организованность понимания, основанная на личном опыте и знаниях, которые были схвачены и так же смешались в толпе кусков разнородных опытов. На цыпочках тянитесь, прыгая и почти ломая пятки, ломая пятки, принося этим способом жертвоприношение.

На объедках повседневности, на презрении к ним, на

их неуклюжем отрицании, фильтрации вырастает Бог, как нечто отличающееся от привычного, причем много незаполненных дыр зияют в готовности уникнуть во всеобщей плоскостности, которую предполагает составить собой гладкий, лысый Бог во всей чистоте света, отражающегося на это, не имеющей волос, голове.

Бог как Собственное Представление, Воображение о том, что нам кажется, мы не имеем представление. Это открытость, ненастороженность, небдительность, рассеянность взгляда. Это путаница причины и следствия. Подобно тому как вы ловите муравья корзинкой для продуктов из супермаркета – вы только приноровились, но он снова проскочил сквозь квадрат. Корзина причины и следствия должна иногда менять левую и правую стороны между собой, чтобы пристроиться к контексту, чтобы хотя бы задеть его, вывернуться, сменить форму, иногда причины и следствия могут иметь между собой расстояние 5, иногда 30, иногда 78 сантиметров, все зависит от контекста. Но и тут вы промахнетесь. Муравей передумал.

Ловить опыт это значит ловить движение голыми руками. Как можно приписывать Богу в заслугу какие-то происшествия? Бог есть недостаточность само рефлексии, есть краткое описание противоположности отождествления себя только с явными мыслями, с тем, что воняет привычностью.

Может ли нечто вышедшее из мусора иметь природу, порицающую этот мусор? И претендовать на нечто совершенно иное? Если на основании небрежности это возможно, то как иначе в это поверить, не потеряв достоинство понимания?

Кроме того, день кришнаиты проводили так:

Медитация с джапой, которая длилась два часа, что было возможно вытерпеть при соревновательном отношении друг к другу, когда в голове стучит стыд за леность и недостаточную самодисциплину, которая может быть замечена другими. Hare krisna hare krisna krisna krisna hare ram hare ram ram rama hare hare – О, повторение, стелющее грозные скатерти над прорастающими бутонами непонимания, веселящих твердые концепты в голове и само сознание, толстые пенопласты духовности, стишки с прелестными консонантами, мысль начинает рыть себе яму, становясь корнем сорняка.

Затем кришнаиты пели разного рода восхваления Кришне, с урчанием в груди, от бессознательного понимания, что это потрепанная упрощением, деятельность стирает все живое интеллекта.

Потом прасад – это принятие пищи руками, причем эта еда никак не подчеркивала аскетический стиль жизни, скорее что-то богемное скрывалось в ее вкусе. Им даже подава-

ли сладости.

Затем уборка храма или работа в саду, которая, кстати, так же приравнивалась службе кришне.

"Почему такой упрощенный стиль жизни, не требующий усилий, стремления к превосходству, но наоборот поощряющий повторение и не требующий преодоления, испытаний, почему такой стиль, вы считаете, может привести Абсолютному? Если используемые средства для достижения цели не предполагают ничего, чтобы содержало приближение к Абсолюту. Это приближение к чему-то распростертому, что нельзя предположить, названное Абсолютом. Названное.

Тусклость интеллекта, ссора с мыслями как рыцарями жизни, игнорирование интерпретаций, но только наклеивание правил из бхагавад гиты на ум, при том, что наклейки начинают отклеиваться, но это не страшно ведь их так много, что скомканные и сдутые мыслями о чем-то другом, они все равно составляют стену мусора, держащую их поблизости на поводке липкого захвата повторения.

Наш мир есть Майя – говорили монахи – энергии Кришны, одна из гун материальной природы, которая есть нечто, к чему не должно быть отношения, все прелести мира должны быть обезличены.

Я шла за ними. Однажды мы ехали американском фургоне в центр города, чтобы с группой монахов начать прославлять имя Кришны в восклицаниях, которые из-за легкой стесненности голоса монахов нуждались в микрофоне. Мы пели имя Кришны, проносились мимо коровьих глаз прохожих и линии телефонных вспышек мелькали, творя пьяный пунктир в пространстве, которое казалось космически непреодолимым. С чувством превозношения нектара сухой жизни мы обливали всех спешащих прохожих. Я чувствовала себя мессией, образ явления с небес обтекал мою походку и лицо. Я ходила вместе с ними, желая испытать чувство вторжения под видом чужих, чтобы ловить на себе взгляды ошеломленности. Когда мы возвращались на том же фургоне фольксваген, который мягко говорил о своей простоте конструктивности. Младенческий лепет стекол и дверей, колес и руля, которые мягко говорили во всей организованной классической простоте, вытягивая меня из болота отрицания эстетики. Каждый мой взгляд, брошенный мелкой галькой создавал отек представлений, их запор от накопления замеченных картинок действительности, которые я старалась обезличить, ведь роскошь их редактирования и изменения была непозволительна. Хотя крик их и был воспринят за шепот, я была оглушена сдерживанием метаний. Молчание с надутыми от напряжения щеками. Сдерживала дыхание. Я искала тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.